

полагает, что деление искусства на прочное и общее, преходящее и частное основывается, по-видимому, на познавательном значении искусства по сравнению с наукой, и в этом смысле оно может быть сопоставлено со словами схолий. Приведенная вслед греческая цитата содержит следующее: «По двум признакам отличается искусство от науки: по признаку общего и частного и по признаку безошибочного и ошибочного». Нетрудно заметить ошибку Адонца: Давид-грамматик сопоставляет не науку с искусством, как то происходит в греческой цитате, а искусство с искусством. Адонц, к сожалению, и здесь не обратил внимания на то, что Давида-грамматика интересует именно проблема искусства, и что соображения в цитате относятся к теории искусства (эстетике), но не к теории познания; не обратил Адонц внимания и на то, что в данном случае армянский грамматик мыслит самостоятельно, не перепевая, как школьник, греческие источники. Ср. Адонц. Цит. соч., с. СХХI, 80.

14. См. примечание 11.

*Настоящий отзыв представлен в философский сектор
Академии Наук для дальнейшего представления в ЦК*

ОТЗЫВ О РАБОТЕ тов. ЧАЛОЯНА
«ФИЛОСОФИЯ ДАВИДА НЕПОБЕДИМОГО»
(Общие соображения)

Работу тов. Чалояна — «Философия Давида Непобедимого» — я знаю хорошо. Тем не менее я не могу сейчас представить его развернутую характеристику, так как для этого требовалось бы снова внимательно перелистать эту работу. Вот почему я вынужден ограничиться соображениями общего характера.

Давно было известно о существовании в исторической древности философской фигуры Давида Непобедимого, создавшей о себе, о личности, об исторической своей подлинности, целую литературу. Книга Давида Непобедимого — «Определения» (как и его «Анализ введения Порфирия») также была знакома давно. Казалось бы, что должна быть хорошо известна также и философия Давида, поскольку именно философией своей он мог занять место в литературе и в памяти поколений. Не забудем, что наш Давид, как «Давид армянин», был известен в мировой философской литературе, правда — узко исторической. И тем не менее философия Давида никем еще не была

изучена, и в своей работе тов. Чалоян не является ничьим продолжателем: ему не с кем ни спорить, ни соглашаться.

Возможно, что еще недавно, до появления работы тов. Чалояна, никто даже у нас не стал бы спорить против того, что Давид может оказаться философом значительным. Но когда в результате добросовестно-кропотливого труда т. Чалояна Давид перед всеми предстал как автор законченной системы воззрений, встал в полный исторический рост, раздались голоса недоверия.

Я допускаю, что этого последнего обстоятельства не было бы при некоторых предпосылках, в числе которых не последнее место занимает хорошее знание нашей прошлой культуры, той, которая явилась реальным фоном для яркой фигуры Давида Непобедимого.

Тов. Чалоян заслужил признательность — и вовсе не с одной лишь национальной точки зрения, — за то, что наконец позволил узнать малоизвестную философию Давида, оценить ее особенности, уразуметь ее исторические предпосылки и опосредования.

Тов. Чалоян показал, какие именно области философского знания служат основным содержанием давидовских «Определений», сведя это содержание к гносеологии и логике. Это, несомненно, составляет успех исследовательской работы. Всю систему давидовского учения в целом т. Чалоян изложил последовательно на понятном сегодняшнему читателю языке, с хорошим знанием предмета и его истории и достаточно полно. Все это также составляет успех работы. К сказанному надо добавить, что воззрения Давида удачно включены в широкую систему мышления, господствовавшего в ту пору в эллинистическом мире (пифагореизм, платонизм, аристотелизм, новоплатонизм, стоицизм), благодаря чему читатель постоянно ощущает современную Давиду интеллектуальную среду, различая четко, в чем Давид следует традиции и какой именно традиции и в чем он от нее отходит. Одновременно автор широкими штрихами воссоздает ту социально-политическую обстановку Армении, которая в свое время породила в стране обостренный интерес к сфере логики и к проблематике философских определений. Читатель убеждается, что культура давидовского мышления, исторически обусловленная, служила школой, воспитавшей в дальнейшем поколения мыслителей, общественно-политических деятелей в нашей стране. Читатель начинает понимать, что не в малой мере через Давида, через неугасимый к нему интерес сохранялась преемственность в развитии национальной культуры на

протяжении, быть может, тысячелетия. Очень поучительна в этом отношении богатая фактическим материалом глава в работе тов. Чалояна, повествующая об исторических судьбах Давида в нашей стране. Давид глубоко вошел в толщу исторической культуры армянского народа, и читатель работы т. Чалояна лишний раз в этом убеждается. Мне довелось недавно услышать сомнение на этот счет, основанное на том, что Давид не отозвался на актуальный для его времени спор диофизитов и монофизитов. Я не мог бы ответить, почему именно Давид на этот жгучий вопрос не отозвался, почему он им не интересовался и невозможно ли, что соответствующие данные до нас просто не дошли. Однако мне кажется бесспорным: если непонятно, как высокие давидовские абстракции могли связываться с реальной историей народа, то с равным основанием остается непонятным, как спор о богочеловеческой природе Христа мог оказаться актуальным для страны, как ее политическая судьба могла искать разрешения в ожесточенных идеологических битвах, в изощренных богословских спорах вокруг религиозно-догматических разногласий.

Хочу ответить на сомнение, которое также довелось мне услышать в отношении работы Чалояна: Давид, дескать, оказывается у него материалистом, хотя и уходит своими корнями в неоплатонизм.

Ответ мой сводится к тому, что у т. Чалояна Давид вовсе не беспорочный и стопроцентный материалист, и нередко и в существенных вопросах он идеалист, и во всех таких случаях идеалистом его и считает т. Чалоян. Но, когда, например, Давид думает, что материальный мир существует объективно и от человеческого сознания независимо, он думает как материалист, и в случаях этого рода т. Чалоян таким его и показывает. Впрочем, попробуй т. Чалоян скрыть в Давиде его материалистические тенденции, читатель уличил бы автора в искажении действительности. Что касается ссылки на неоплатонизм, то в основе ее лежит, кажется, недоразумение, поскольку в самом неоплатонизме содержится достаточно материалистических тенденций, вопреки религиозно-мистической форме их претворения; а кроме того, ссылка на генетические корни сама по себе ничего не говорит о данной философии; ведь никто среди нас не станет утверждать, будто в истории философии действует правило: яблоко от яблони недалеко падает, будто в этой истории материализм всегда вырастает из материализма, а идеализм — из идеализма.

Наконец, меня просили при составлении настоящего отзыва

подумать и о том, не преувеличена ли в работе т. Чалояна историческая фигура Давида.

Должен сознаться, что мне не совсем понятен смысл этого вопроса.

Если требуется указать, не приписываются ли Давиду те или иные мысли, ему на самом деле не принадлежавшие, либо роль историческая, ему не присущая, или не окружается ли Давид ореолом, им не заслуженным, или не употребляются ли автором не по его адресу возвышенные эпитеты, противные чувству масштабности — то ответ мой должен быть крайне односложен: нет.

Или, быть может, упрек в преувеличении имеет тот смысл, что Чалоян напрасно признает Давида самостоятельным мыслителем, философом, не желая отвести ему надлежащую, более скромную роль компилятора, популяризатора, просто философски образованного человека, каких в ту пору в эллинистических странах, пожалуй, было не так уж мало? Если бы к этому сводился упрек в преувеличении, то и в этом случае я считал бы упрек необоснованным: Давид не компилятор, ибо у компилятора не имеется единого и целостного мировоззрения, а у Давида такое мировоззрение имеется; популяризатором чужой философии может быть, конечно, и философ, если систему соответствующей аргументации он представляет как свою собственную; Давид же имеет по кардинальным вопросам мировоззрения (и в теории познания, и в логике) свои собственные идеи и аргументирует самостоятельно не чужие, но свои идеи. Что касается ссылки на эллинистические страны, то надо вспомнить, что прежде чем на родине своей, Давид именно там получил высокое свое призвание как философ. Могут, конечно, спросить: как же это случилось, что Давид все же не вошел в историю эллинистической философии? Я могу этого не знать. Но я могу думать, что, хотя Давид и писал свои сочинения по-гречески (и с греческого их переводил на армянский), мировоззрения Давида уже были чужды греческим запросам и были более близки запросам армянской действительности. В противном случае навряд ли стал бы он их, свои труды, переводить на армянский, вряд ли сам он переехал, возвратился бы на родину и здесь вряд ли так тесно, органично связал бы свое имя со всей последующей историей философской мысли своего народа.

Впрочем, все эти предположения в отношении того, что может означать упрек в преувеличении, кажутся мне самому настолько несерьезными, что я предпочел бы не гадать, но узнать точно, как

формулируется этот упрек, если вообще такой упрек существует.

Но если упрек существует, то не участвует ли тут скрытое желание не видеть, не признавать исторического величия, исторических богатств своего народа, нигилистическая психология в отношении национальной культуры, глухое предрасположение к самоуничтожению? Быть может естественный страх: не показаться наивно влюбленным в национальное прошлое — диктует излишнюю сдержанность и даже скептицизм в отношении этого прошлого?

Если существует страх и скептицизм, то упрек в преувеличении будет возникать всякий раз, как наука будет открывать новые и новые стороны в духовной жизни нашего народа. Люди будут терять самообладание, вопить, хватать нас за руки, если нам придется во весь рост показать того или другого философа, теоретика, государственного мужа, поэта, художника, музыканта, не уступающего ни блеском и глубиной дарования, ни эрудицией выдающимся людям других передовых стран, и, быть может, надо задуматься: что хуже, что более вредно: иной раз излишнего блеска придать исторической фигуре прошлого, или же все прошлое запрятать в исторические тени, всякую фигуру прошлого оттаскивать на исторические задворки, внушить себе и другим мысль, будто существует не одна, но разные мерки ценностей — для культуры других, передовых народов и для культуры собственного народа.

Я излагаю общие соображения, и ими я вынужден себя ограничить.

В качестве основного вывода о работе т. Чалояна я готов высказать уверенность в том, что работа эта совершена на хорошем профессиональном уровне и по своему содержанию для нас актуальна, почему, — какие бы ни были в ней частные недостатки, — в целом она заслуживает высокой оценки.

25 сентября 1945 г.